

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.4>

UDC 94(47)
LBC 63.3(2)

Submitted: 28.07.2023
Accepted: 27.09.2023

WAYS IN THE LIFE OF THE KALMYK KHANATE OF THE 18th CENTURY (BASED ON THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)

Danara A. Suseeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Oksana A. Gorban

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The object of the analysis is the ways in which the Kalmyk Khanate of the 18th century used communication routes and movements along these paths for a specific purpose. *Methods and materials.* The official correspondence of Kalmyk khans and owners with representatives of different government levels of the Russian state of the 18th century from the funds of the National Archives of the Republic of Kalmykia is considered, data on the movements of representatives of the Kalmyk Khanate is revealed, and a typology of these movements is proposed. *Analysis.* It is shown that ways differ in place, time, and purpose of movement. In the life of the Kalmyks, internal and external ways stood out. The internal ones are seasonal migrations within the khanate in order to change pastures for livestock. The documents report on the places of nomads, folk traditions, holidays, and various difficulties. External ways connected the Kalmyks with the world outside the khanate and were divided into postal (communication between different subjects), official (delivery of salaries, trips on judicial and other matters), diplomatic (visits to the court, trips to other states to conclude and maintain peace), military (military campaigns, border protection), trade (trips to Russian and other cities for the purchase and sale of livestock and various goods), and religious (pilgrimage to Tibet, trips for baptism to Stavropol-on-the-Volga). *Results.* The conclusion is made about the great importance of both internal ways, which determined the mode of life of the nomadic people, and external ones, thanks to which interaction with the Russian state and other countries was carried out. Sources of Kalmyk and Russian origin reveal facts from different points of view and show the actions of both sides as the realization of their complex, multifaceted interaction. *Authors' contribution.* D.A. Suseeva proposed the classification principles, identified the main way types, and analyzed the letters of the Kalmyk khans and owners. O.A. Gorban supplemented the classification with individual species and analyzed V.N. Tatischev's letters and other documents of the Kalmyk Commission.

Key words: Kalmyk Khanate, 18th century, internal ways, external ways, official correspondence.

Citation. Suseeva D.A., Gorban O.A. Ways in the Life of the Kalmyk Khanate of the 18th Century (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 59-69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.4>

**ДОРОГИ В ЖИЗНИ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА XVIII в.
(НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)**

Данара Аксеновна Сусеева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Оксана Анатольевна Горбань

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Объектом анализа являются дороги в Калмыцком ханстве XVIII в. как пути сообщения и как передвижения по этим путям с определенной целью. *Методы и материалы.* Рассматривается деловая переписка калмыцких ханов и владельцев с представителями разных уровней власти Российского государства XVIII в. из фондов Национального архива Республики Калмыкия, выявляются данные о передвижениях представителей Калмыцкого ханства, предлагается типология этих передвижений. *Анализ.* Показано, что дороги различаются по месту, времени и цели передвижения. В жизни калмыков выделялись дороги внутренние и внешние. Внутренние – это сезонные перекочевки в пределах ханства с целью смены пастбищ для скота. Документы сообщают о местах кочевий, народных традициях и праздниках, различных трудностях. Внешние дороги связывали калмыков с миром за пределами ханства и по целям делились на почтовые (сообщение между разными субъектами), служебные (доставка жалованья, поездки по судебным и иным делам), дипломатические (визиты ко двору, поездки в другие государства для заключения и поддержания мира), военные (военные походы, охрана границ), торговые (поездки в российские и другие города для купли-продажи скота, различных товаров), религиозные (паломничество в Тибет, поездки для крещения в Ставрополь-на-Волге). *Результаты.* Сделан вывод о большой значимости как внутренних дорог, определявших образ жизни кочевого народа, так и внешних, благодаря которым осуществлялось взаимодействие с Российским государством и другими странами. Источники калмыцкого и русского происхождения раскрывают факты с разных точек зрения, показывают действия обеих сторон как реализацию их сложного, многогранного взаимодействия. *Вклад авторов.* Д.А. Сусеевой предложены принципы классификации и выделены основные виды дорог, проанализированы письма калмыцких ханов и владельцев. О.А. Горбань дополнена классификация, проанализированы письма В.Н. Татищева и другие документы Калмыцкой комиссии.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, XVIII век, внутренние дороги, внешние дороги, деловая переписка.

Цитирование. Сусеева Д. А., Горбань О. А. Дороги в жизни Калмыцкого ханства XVIII в. (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 59–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.4>

Введение. Истории калмыцкого народа посвящена значительная литература, касающаяся широкого круга вопросов. Тем не менее остается много нерешенных проблем, историография пополняется работами, в которых не только ставятся новые задачи, рассматриваются новые факты, но и переосмысливаются уже известные. Немаловажную роль в этом играет и расширение источниковедческой базы исследований, привлечение все большего количества материалов, в первую очередь архивных.

Предки калмыков, как большинство монгольских племен, примерно в первом тысяче-

летию до н. э. перешли к кочевому скотоводству, которое сохраняли на протяжении веков и калмыки. Данный способ хозяйствования составлял основу экономического и социального уклада жизни, определял культуру и ментальность народа. Круглогодичное или в течение большей части года кочевание по степи в поисках пастбищ для скота неразрывно связано с дорогами. Дороги в жизни калмыков – это не только устоявшиеся маршруты передвижения со скотом, но и дипломатические, военные, торговые пути в другие государства и т. д., наконец, исторические пере-

селения [1; 5; и др.]. Постоянное пребывание в движении определило формирование близких друг другу концептов «дорога», «перемещение», «кочевье» как одних из важнейших в калмыцкой культуре, на что указывают многие исследователи. Эти образы нашли отражение в словесном творчестве, национальных обрядах, верованиях, имея свою специфику по сравнению со сходными концептами в других культурах [7; 26; 28; 29]. Сложившиеся представления о мире не утрачивали свою значимость на протяжении веков, несмотря на переломные события в судьбе народа, связанные с его переселением на берега Волги и Каспия.

В начале XVII в., как известно, несколько владений ойратского происхождения (торгуты, дербеты, хошуты), войдя в состав Российского государства, положили начало формированию калмыцкой народности. Будучи кочевниками, калмыки стали осваивать новые для себя местности, пригодные для разведения многочисленного скота. Сохранение кочевого образа жизни было одним из направлений политики России в отношении к ним [6, с. 8]. Вместе с тем калмыки постепенно погружались во внутреннюю и внешнеполитическую жизнь Российского государства. В этом новом контексте складывались внешние (с Российским государством, иными соседними народами и государствами) и внутренние (между социальными, родовыми объединениями, отдельными личностями) контакты, развивались различные стороны жизни калмыков [30], что, безусловно, было связано с разнообразными передвижениями. Направления и цели этих передвижений являются объектом рассмотрения в данной статье.

Методы и материалы. О том, что в XVIII в. калмыки уже были заметной составной частью Российского государства, свидетельствуют многочисленные послания калмыцких ханов и владельцев того времени, созданные с использованием старокалмыцкого письма (*тодо бичиг* «ясное письмо»), которые хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее – НА РК). Несколько сотен названных документов и их русских переводов, осуществленных в Коллегии иностранных дел, опубликованы [22–24]; параллельное представление данных текстов в издани-

ях позволяет видеть адекватность переводов оригиналам; далее мы будем ссылаться на эти публикации.

Немаловажную роль играют также документы российских учреждений рассматриваемого периода – Калмыцкой комиссии Коллегии иностранных дел, Астраханской губернской канцелярии и др., отложившиеся в фондах НА РК.

Опубликованные письма XVIII в. калмыцких ханов и их современников, а также неопубликованные русскоязычные документы НА РК, в особенности письма В.Н. Татищева по тем или иным вопросам российско-калмыцких отношений в бытность его астраханским губернатором и состоящим при калмыцких делах (1741–1745 гг.), являются источниковой базой исследования. Документы разного происхождения, калмыцкие и русские, позволяют увидеть описываемые факты в различных ракурсах.

Исследование проводится с использованием приемов историко-описательного, типологического методов, основывается на содержательном анализе источников, выявлении данных о различных передвижениях представителей Калмыцкого ханства, на типологизации этих передвижений в соответствии с их направлениями, целями, характеризующими образ жизни калмыков в XVIII веке. Лингвистический анализ слова *хаалъа* «дорога» в калмыцком языке призван определить понятие, отражающее исследуемый объект.

Анализ. Прежде всего, необходимо уточнить этимологию слова *хаалъа*, которое в современном калмыцком языке имеет значение «дорога, путь, трасса» [4, с. 560]. Оно исторически образовано от глагола *хаах* «закрывать» и первоначально обозначало «то, что закрывало вход в жилище», то есть «дверь юрты». В современном монгольском языке соответствующее слово *хаалга(н)* сохранило свое первоначальное значение «дверь; ворота» [2, с. 1]. Значения слова в родственных языках разошлись в силу того, что калмыцкое *хаалъа* некогда подверглось метонимическому переосмыслению, в результате которого *дверь (хаалъа)* отдала свое название дороге, берущей начало от двери жилища (*гер*). В калмыцком языке XVIII в., как свидетельствуют материалы НА РК, *хаалъа* обозначает

именно дорогу. Например, в письме от 4 февраля 1715 г. на имя астраханского воеводы М.И. Чирикова нойон Чақдоржаб, старший сын хана Аюки, сообщает: «Хобонду хурбан хаалһаар хурбан үйэ күүталбиба бида...» [24, с. 82], то есть «По Кубанской дороге поставили заставы в трех местах...». В свою очередь, дорога в источниках того времени называется только словом *хаалһа*, хотя у калмыков было и другое слово – *зам / ям*, заимствованное русскими в форме *ям*, однако оно является устаревшим.

Слово *хаалһа*, как и русское *дорога*, означает не столько полосу земли для перемещения, сколько направление, путь следования, в большей степени сам процесс передвижения, путешествие и символически – жизненный путь, способ существования [4, с. 560; 8]. Образ дороги – это образ постоянного движения¹. Объектом анализа в данной статье являются дороги не в техническом или геоэкологическом, а в социальном аспекте как пути сообщения и как передвижения по этим путям с определенной целью.

Содержание документов показывает, что все дороги можно классифицировать по нескольким основаниям: пространство, время, цель (функция).

Во-первых, были дороги, важные для внутренней жизни Калмыцкого ханства, определявшие кочевым образом жизни народа. В этом плане калмыки различали дороги сезонные (зимние, весенние, летние, осенние). Их целью была смена пастбищ для скота.

Во-вторых, выделялись дороги, которые связывали калмыков с внешним миром за пределами Калмыцкого ханства. По функциональному признаку они делились на почтовые, служебные, дипломатические, военные, торговые, религиозные и др. Передвижения, вероятно, могли иметь одновременно и несколько целей.

Внутренние дороги. Они связаны с сезонными перекочевками калмыков. В документах говорится, что территории для кочевания калмыкам определялись царским правительством. В качестве примера можно привести письмо на калмыцком языке астраханского губернатора генерал-майора И.П. Измайлова в адрес нойона Дондук-Омбо от 15 ноября 1735 г. [22, с. 448]. Губернатор со-

общает, что получен «Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской», по которому владельцу Дондук-Омбо и владельцам его партии, пришедшим с Кубани на Волгу и ставшим подданными ее величества, принявшими присягу «при росошах Сарпы реки», объявляется, что калмыки могут кочевать «при Волге и при других реках, где бы во области ее императорского величества не было будут кочевать или в города кого от себя посылать или ездить для торгу, и прочие им потребности оным никакого в озлобление им обид и приметок и грабительства не чинить; равно и им, калмыкам, русским и прочим всякого звания людям, подданным ее императорского величества, так же оно не чинить же по опасениям суда» [22, с. 450].

Во многих источниках указаны территории кочевий крупных калмыцких владельцев, время и направление их сезонных перекочевок, названы трудности, возникавшие при этом. Например, ханша Дарма-Бала, вдова хана Аюки, в письме астраханскому губернатору от 6 мая 1731 г. сообщает, что обрадовалась, получив указ императрицы, касающийся кочевий ее сына Черен-Дондука, «чтоб он между Яику и Волги по прежнему обыкновению со всеми калмыками кочевал» [22, с. 377]. В другом письме она обращается с просьбой к коменданту г. Царицына В.П. Беклемишеву, чтобы ей помогли перебраться с ее нутуком (людьми и скотом) на луговую сторону Волги для зимовки. В связи с этим она просит поставить мост в местечке Чабчигсан, ниже г. Царицына [23, с. 23].

Наместник Калмыцкого ханства Убаши в докладной записке от 22 марта 1767 г. подробно пишет о местах кочевки калмыцкого народа в летнее и зимнее время. Он сообщает о своем летнем кочевании от Сасыколя вверх по Волге до Тарлыка, других калмыков – от Тарлыка до Самары; о зимних кочевках по Куме до Кизляра, по Тереку до Моздока, от устья Сарпы по донским притокам и т. д.; при этом выбор места может варьироваться в зависимости от погодных условий и состояния кормов [22, с. 852–853].

У калмыков была налажена определенная система сезонной кочевки, которая позволяла точно знать, кто и где кочует, на каком расстоянии, какое время и с кем. Сезонные

кочевки, если опираться на материалы НА РК, проходили не по надуманному «кругу», а реально «с юга на север и с севера на юг» по течению трех рек: Волги, Дона и Яика.

Сведения о сезонных передвижениях калмыков содержатся и в многочисленных документах российских учреждений, поскольку обеспечение безопасности кочевников и при необходимости – помощи им входило в обязанности соответствующих должностных лиц. Так, 16 февраля 1742 г. В.Н. Татищев пишет атаману Войска Донского Д.Е. Ефремову о необходимости обеспечить защиту калмыцких людей от возможных кайсацких нападений во время весеннего переезда с нагорной (правого берега Волги) на луговую (левый берег Волги) сторону, для чего предполагается помощь донского и яицкого войск [9]. Позже, 9 марта, Татищев сообщает ему же: «въ обсьемъ совете положено чтоб онымъ казакамъ конечно вступить с первых чисель апреля и к половине онаго притит к Черному Яру»² [9], – и отправляет промеморию в Оренбургскую комиссию о выступлении яицких казаков [20]. По просьбе наместника губернатор принимает и иные меры безопасности, в том числе отправку пушек «с артиллерийскими служителями» [11].

По просьбе наместника Дондук-Даши и ханши Дарма-Балы и в соответствии с высочайшими указами для переправы через Волгу В.Н. Татищев обеспечивает их судами, выделяя собственные шлюпки, продуктами, лекарствами. С этой целью только за один день, 6 апреля 1742 г., он отправляет указ императрицы в астраханскую австерию [25], отдает надлежащие распоряжения разным лицам, уведомляет о состоянии дел наместника Дондук-Даши и ханшу Дарма-Балу [12].

В связи с сезонными кочевками стоял вопрос о «скудных» калмыках, не имеющих скота. Им разрешалось ловить рыбу с русскими ватагами, иным образом добывать себе пропитание в российских городах. Промеморией в Оренбургскую комиссию астраханский губернатор просит, чтобы в Яицком городке принимали «скудных» калмыков, которые придут «для прокормления» [20, л. 238]. В письмах наместнику Дондук-Даши содержится роспись «скудных» калмыков по ватагам с указанием мест их промыслов, говорится об отдаче им лодок [10].

Во время кочевок калмыки навещали друг друга, ездили в гости, отмечали знаменательные события и праздники. Так, 10 мая 1742 г. В.Н. Татищев по приглашению наместника Дондук-Даши и ханши Дарма-Балы побывал на празднике Урюс-Сар, связанном с приплодом скота и пробуждением природы после зимы. В протоколе Калмыцкой комиссии об этом есть подробная запись, из которой узнаем, что почетными гостями наместника были астраханский губернатор со своей свитой, знатные калмыки с женами и детьми. Проведение праздника было схоже с тем, как это описывается в эпосе «Джангар»: были разбиты шатры, где угощали гостей (в протоколе написано *трактованы*, то есть *угощены*) вином, сделанным из молока, кислым молоком (по-калмыцки *чигян*); звучала национальная калмыцкая музыка; были устроены состязания борцов, для чего был создан суд из двух партий по 12 человек; состязания осуществлялись «на интерес» – денежные средства, скот и др. [21, с. 20–22].

Внешние дороги. Особого внимания заслуживают внешние дороги в жизни Калмыцкого ханства. Среди наиболее важных можно выделить почтовые, служебные, дипломатические, военные, торговые, религиозные.

В XVIII в. в Российском государстве существовала определенная система **почтовых дорог** между разными уголками его обширной территории. Свидетельством тому может служить переписка калмыцких ханов и владельцев с центральными и губернскими органами власти на протяжении всего XVIII века. Необходимо отметить скорость и интенсивность этой переписки. Есть примеры, когда ответы из Санкт-Петербурга на письма калмыцких владельцев приходили в течение месяца. Это обеспечивалось хорошо по тем временам налаженной почтовой связью. На магистральных дорогах стояли ямы (станции), где люди, несшие государственную службу, могли сменить лошадей. Заслуживает внимания тот факт, что на дорожных ямах всегда стояли не только государственные сменные повозки с лошадьми, но и обывательские, которые использовались в случае отсутствия первых. Следовательно, была развита перевозка на дальние расстояния уездными и частными возчиками (*обывателями*, как пишется в доку-

ментах НА РК). Для этого людям, выполнявшим служебные обязанности, в дорогу выдавали кормовые и прогонные деньги, а также подорожную за подписью и печатью представителей властных структур.

Калмыцкий хан Дондук-Омбо почтовую повозку называл *шовун терген* «птица-повозка». Калмыцкие ханы и владельцы получали в день по несколько писем из разных мест (Москвы, Санкт-Петербурга, Царицына, Астрахани, Саратова, Оренбурга и др.) и сами отправляли «посыльщиков» с письмами и «словесными приказами» в различные города Российского государства и за его пределы. Об этом свидетельствуют и их многочисленные письма, и документы российских чиновников. Так, В.Н. Татищев писал генерал-поручику Тараканову:

Сего февраля 26г(о) числа словесно и писмянно наместник ханства Дундукъ Даши объявилъ, что получил онъ известие чрезъ приехавшаго изъ улусовъ ево служителя Цагалая которои с темъ известиемъ присланъ былъ Дамбы Даржи... [15].

Различного рода *служебные* поездки связаны были не только с перепиской. Посыльные от калмыцких ханов имели поручения привозить денежное жалование, продукты, подарки, «и порохъ и свинецъ и железа и сталь» [24, с. 218, 330, 513, 333, 183] и мн. др. Поездки могли быть по судебным делам, решению тех или иных вопросов жизни калмыков и т. д. Так, хан Аюка в письме астраханскому обер-коменданту М.И. Чирикову от 25 июля 1717 г. сообщает об отправке в Астрахань своих людей «судить меж рускими людьми калмыки татары» [24, с. 308]. От наместника направлялись к губернатору в Астрахань зайсанги для распределения улусов Дондук-Омбо [17] и т. д.

К служебным поездкам особого рода можно отнести *дипломатические*: в Китай, Крым, Персию и др. Разнообразие таких внешних связей видно, например, из письма Чакдоржаба М.И. Чирикову от 25 января 1713 г.:

Посылщик н(а)шъ был в Китаех и кита'ско' ц(а)рь того посылщика велми отдарил и провожатых рускихъ люде' также отдарилъ <...> Да люди мои по лету были в Крыму и ис Крыму пришли к намъ с крымскимъ посылщикомъ [24, с. 18].

Калмыцкие зайсанги при посредничестве российских властей неоднократно съезжались в Оренбург, Астрахань, на Ахтубу для заключения и подтверждения мира с кайсаками, что явствует из промеморий и писем астраханского губернатора. Среди значимых дорог были, безусловно, визиты знатных представителей ханства ко двору, например «къ ея имп: вел(и)ч(ест)ву со всеподданнейшимъ поздравлением ея имп: вел(ичест)во с возшествиемъ на всероссийский императорский престоль и для всеподданейшего бл(а)годарения за пожалование... наместником ханства» Дондук-Даши [16]; в дорогу посланцам были выданы кормовые и прогонные деньги, кибитки для них, для конвойных и под подарки [18]; на время отсутствия наместника губернатор решал вопрос о защите его улусов [13].

Особую значимость для ханства имели *военные* дороги, так как калмыки принимали участие в охране юго-восточных границ Российского государства, в военных походах и сражениях. Об этом свидетельствуют письма, царские грамоты, указы из фондов НА РК [23, с. 66, 67]. Хан Аюка пишет астраханскому бригадиру 23 февраля 1719 г.:

к намъ какие неприятели или к вам будутъ и вам бы за нас стоят акож и нам за вас стоять... мы вместе с вами живемъ и другъ за друга надо быть и стоять [24, с. 422].

О результатах участия калмыцкого войска в походе на Азов владелец Доржи Назаров с сыновьями в письме астраханскому губернатору от 13 июля 1736 г. сообщают, что калмыки взяли Азов и немало других городов; тех, кого надлежало разорить, «тех разорили»; тех, которых надо унять, «тех мы уняли», а сейчас вернулись из Азова в свой нутук по договоренности с фельдмаршалом И.П. Измайловым, чтобы сменить войско и лошадей для предстоящего через месяц нового военного сражения при Азове [22, с. 499–500].

В переписке упоминаются совместные с русскими походы, указываются меры, которые предпринимались калмыками для охраны границ и дорог, по которым могут неожиданно прийти противники [24, с. 82–85, с. 620], и т. д.

Большое место в жизни калмыков занимали *торговые* дороги. Калмыки торговали скотом в Астрахани, Дербенте, Царицыне,

Саратове, Москве и других городах, там же покупали необходимые товары. Хан Аюка торговал с Бухарой, посылал своих людей с товаром через Астрахань «во все четыре стороны» торговать [24, с. 183], а Доржи Назаров, родственник хана Аюки, даже контролировал торговые пути, ведущие в Среднюю Азию, и брал с купцов по два бурмена [24, с. 496]. О торговле калмыков лошадьми в Москве говорит письмо Джалы, жены Чакдоржаба [24, с. 176], а о том, что торговцы хана Аюки ходили в Хиву, – его письмо астраханскому воеводе [24, с. 135]. Торговые дороги часто бывали опасными для калмыков, которые, например, могли быть захвачены кубанцами [24, с. 312].

Особую роль в духовной жизни народа играли дороги *религиозные*. В первую очередь это были паломничества в Тибет. Как пишет Джала 13 января 1713 г. астраханскому воеводе, «я по своей вере хочю к дале лом(е) ехать молитца» [24, с. 10–12]. По переписке калмыцких ханов и владельцев можно установить, какими путями их посланники в XVIII в. добирались с Волги до Тибета и обратно. В письме астраханскому воеводе 28 января 1719 г. Чакдоржаб просит направить подводу в г. Тобол для встречи находящегося там его посланца, вернувшегося из Тибета [24, с. 389–391]. В письме И.И. Бахметеву и В.П. Беклемишеву 8 декабря 1729 г. Намка-гелюн сообщает о своей предстоящей поездке со свитой в 30 человек к Далай-Ламе сибирским путем для поминовения души хана Аюки и построения там храма [22, с. 348–357].

Калмыки могли принимать также крещение. Для этого они переправлялись в г. Ставрополь-на-Волге как сухим, так и водным путем, что обеспечивалось, включая их защиту, российскими должностными лицами (см., например: [14; 19]; о существовании проблемы защиты государством крещеных калмыков говорится в: [27, с. 115]).

Результаты. Как показали письма калмыцких ханов и владельцев XVIII в., документы Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел (в частности, переписка астраханского губернатора В.Н. Татищева), хранящиеся в НА РК, дороги как пути сообщения и как передвижения по ним в разных направлениях и с разными целями, играли в жизни Кал-

мыцкого ханства важную роль. В первую очередь для народа, основой хозяйствования которого было кочевое скотоводство, сезонные перемещения для выпаса скота во внутренних пределах ханства составляли сам образ его жизни – временную и территориальную организацию поселений, взаимоотношений между родами, социальными слоями и т. д. Не менее важную роль играли дороги внешние, благодаря которым осуществлялось разнообразное взаимодействие с Российским государством, соседними странами и народами: активная почтовая связь с государственными учреждениями и лицами, обмен материальными ценностями, решение текущих управленческих, правовых и иных вопросов, дипломатические сношения, участие в военных кампаниях, торговля, религиозные отправления и т. д. Все это помогает раскрыть особенности жизни калмыков, их представления об окружающем мире и взаимоотношения с ним.

И внутренние, и внешние связи Калмыцкого ханства, реализуемые через многочисленные передвижения, так или иначе были включены в контекст политики Российской империи. Письма калмыцких ханов и владельцев, с одной стороны, и документы представителей российского государства, с другой стороны, позволяют увидеть исторические факты в разных ракурсах, показывают практические действия субъектов как реализацию их сложного, многогранного взаимодействия: перекочевка калмыков на новые пастбища, визит калмыцких владельцев к царскому двору вызывали необходимость со стороны российских властей обеспечить их безопасность от враждебных нападений, организовать транспорт, пропитание и др.; в свою очередь, решение военных задач России требовало активных действий калмыков в военных походах, охране границ и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интересно, что в русской литературе XVIII в. образ калмыка выступает как символ кочевника, путешественника вообще [3, с. 71].

² При передаче неопубликованных архивных источников используется современный алфавит, предлоги отделяются от последующих слов, выносные буквы даются в строке, имена собственные

пишутся с прописной буквы, слова под титлом – полностью с восстановленными буквами в скобках; в остальном сохраняется орфография и пунктуация оригиналов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2002. 400 с.
2. Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4 т. Т. 4. М.: АCADEMIA, 2002. 506 с.
3. Бурькин А. А., Коробейникова О. Ю. Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века (по материалам картотеки Словаря русского языка XVIII в.) // *Mongolica*. 2003. № 6. С. 69–72.
4. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
5. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
6. Максимов К. Н. Калмыки в геостратегических планах России XVII века // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2013. № 1. С. 7–12.
7. Манджиева Б. Б. Кочевое скотоводство в калмыцком фольклоре // *Новый филологический вестник*. 2020. № 2 (53). С. 92–108. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00033
8. Монраев М. У., Лиджиев А. Б. Лексема со значением «дорога» в калмыцком языке: предварительный анализ // *Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*. 2020. № 2 (41). С. 52–56. DOI: 10.24412/2071-7830-2020-41-52-56
9. Письма В.Н. Татищева войсковому атаману Д.Е. Ефремову, 16 февраля и 9 марта 1742 г. // *Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 144 об.–146, 235 об.
10. Письма В.Н. Татищева наместнику ханства Дондук-Даши, 4 марта и 29 марта 1742 г. // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 212 об.–215, 298–298 об.
11. Письма В.Н. Татищева наместнику ханства Дондук-Даши, 21 апреля 1742 г.; полковнику Боборькину, 28 апреля и 19 июня 1742 г.; полковнику и астраханскому коменданту Кнутову, поручику Полякову, 29 апреля 1742 г.; в Астраханскую губернскую канцелярию, 28 июня 1742 г. // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 356–356 об., 365, 490–490 об., 368–368 об., 511–511 об.
12. Письма В.Н. Татищева полковнику Боборькину, ханше Дарма-Бале, поручику Полякову, полковнику и астраханскому коменданту Кнутову, наместнику ханства Дондук-Даши, 6 апреля 1742 г. // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 318, 318 об., 319, 319 об., 320–320 об.
13. Письма В.Н. Татищева походному атаману Жмуруину, майору и черноморскому коменданту Белову, 4 мая 1742 г. // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 387–387 об., 388.
14. Письмо В.Н. Татищева бригадиру и ставропольскому коменданту Змееву, 19 января 1742 г. // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 32–32 об.
15. Письмо В.Н. Татищева генерал-поручику А.И. Тараканову, 27 февраля 1742 г. // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 184.
16. Письмо В.Н. Татищева наместнику ханства Дондук-Даши, 8 февраля 1742 г. // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 114.
17. Письмо В.Н. Татищева наместнику ханства Дондук-Даши, 10 марта 1742 г. // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 263 об.
18. Письмо В.Н. Татищева полковнику и царьцинскому коменданту П.Ф. Кольцову, 27 февраля 1742 г. // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 188–189 об.
19. Промемория от тайного советника В.Н. Татищева в Астраханскую губернскую канцелярию, 19 января 1742 г. // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 34 об.–35 об.
20. Промемория от тайного советника В.Н. Татищева в канцелярию Оренбургской комиссии, 9 марта 1742 г. // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 238–238 об.
21. Сусеева Д. А. Документы В. Н. Татищева как источник для изучения культуры калмыцкого народа // *Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XIV Всерос. науч. конф. Астрахань: Астрах. гос. ун-т*, 2018. С. 20–21.
22. Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста: Джангар, 2009. 991 с.
23. Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2003. 456 с.
24. Сусеева Д. А., Котяева Е. С., Олядыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М. Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. 744 с.
25. Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Астраханской губернской канцелярии в Астраханскую австрию бурмистру Ивану Дьяконову с товарищи // *НА РК*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 317 об.
26. Церенова Ж. Н. Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 23 с.

27. Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.

28. Шараева Т. И. «И откуда Ваши сваты?» (реалии и ментальные образы пространства в свадебном обряде калмыков) // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. DOI: 10.25178/nit.2019.3.11

29. Шкурская Е. А. Дорожные ритуалы и запреты в русской и калмыцкой культуре в аспекте благополучия // Монголоведение. 2021. Т. 13, № 1. С. 85–95. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-85-95

30. Salaev B. K., Suseeva D. A., Esenova T. A., Dzhambinova N. S. Integration of Kalmyks into the Russian Society of the XVIII Century and Relations of Kalmyks, Russians and Other Ethnos During the Existence of the Kalmyk Khanate Within Russian Empire (Based on Unpublished Materials Stored in the National Archives of the Kalmyk Republic) // Bylye Gody. 2018. Vol. 50, iss. 4. P. 1436–1455. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2018.4.1436

REFERENCES

1. Batmaev M.M. *Sotsialno-politicheskii stroi i khoziaistvo kalmykov v XVII–XVIII vv.* [Socio-Political System and Economy of the Kalmyks in the 17th – 18th Cen.]. Elista, Dzhangar Publ., 2002. 400 p.

2. Piurbееv G.Ts., ed. *Bolshoi akademicheskii mongolsko-russkii slovar* [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary], vol. 4. Moscow, ACADEMIA Publ., 2002. 506 p.

3. Burykin A.A., Korobeinikova O.Iu. Slova «kalmyk», «kalmytskii» v russkom iazyke XVIII veka (po materialam kartoteki Slovaria russkogo iazyka XVIII v.) [Russian Words “Kalmyk” and “Kalmytskii” in the 18th Century (Based on the Materials of the Card Index of the Dictionary of the 18th Century Russian Language)]. *Mongolica*, 2003, no. 6, pp. 69-72.

4. Muniev B.D., ed. *Kalmytsko-russkii slovar* [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, Rus. iaz. Publ., 1977. 768 p.

5. Kolesnik V.I. *Poslednee velikoe kochevye: Perehod kalmykov iz Tsentralnoi Azii v Vostochnuiu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh* [The Last Great Nomadism: The Kalmyks’ Transition from Central Asia to Eastern Europe and Back in the 17th and 18th Centuries]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2003. 286 p.

6. Maksimov K.N. Kalmyki v geostrategicheskikh planakh Rossii XVII veka [Kalmyks in the Geostrategic Plans of Russia in the 17th Century]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2013, no. 1, pp. 7-12.

7. Mandzhiyeva B.B. Kochevoe skotovodstvo v kalmytskom folklоре [Nomadic Livestock Breeding in

Kalmyk Folklore]. *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2020, no. 2 (53), pp. 92-108. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00033

8. Monraev M.U., Lidzhiyev A.B. Leksema so znacheniem «doroga» v kalmytskom iazyke: predvaritelnyi analiz [Lexeme with Definition “Road” in Kalmykian Language: Preliminary Analysis]. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovanii aridnykh territorii* [Bulletin of the Institute of Complex Studies of Arid Territories], 2020, no. 2 (41), pp. 52-56. DOI: 10.24412/2071-7830-2020-41-52-56

9. Pisma V.N. Tatishcheva voiskovomu atamanu D.E. Efremovu, 16 fevralia i 9 marta 1742 g. [Letters from V.N. Tatishchev to the Don Army Ataman D.E. Efremov, February 16 and March 9, 1742]. *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Kalmykiya (NA RK)* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 144 r.-146, 235 r.

10. Pisma V.N. Tatishcheva namestniku khanstva Donduk-Dashi, 4 marta i 29 marta 1742 g. [Letters from V.N. Tatishchev to the Khanate Viceroy Donduk-Dashi, March 4 and March 29, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 214 r.-215, 298-298 r.

11. Pisma V.N. Tatishcheva namestniku khanstva Donduk-Dashi, 21 apreliya 1742 g.; polkovniku Boborykinu, 28 apreliya i 19 iyunia 1742 g.; polkovniku i astrakhanskomu komendantu Knutovu, poruchiku Poliakovu, 29 apreliya 1742 g.; v Astrakhanskuiu gubernskuiu kantseliariiu, 28 iyunia 1742 g. [Letters from V.N. Tatishchev to the Khanate Viceroy Donduk-Dashi, April 21, 1742; To Colonel Boborykin, April 28 and June 19, 1742; To Colonel and Astrakhan Commandant Knutov, Lieutenant Polyakov, April 29, 1742; To the Astrakhan Gubernia Chancellery, June 28, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 356-356 r., 365, 490-490 r., 368-368 r., 511-511 r.

12. Pisma V.N. Tatishcheva polkovniku Boborykinu, khanshe Darma-Bale, poruchiku Poliakovu, polkovniku i astrakhanskomu komendantu Knutovu, namestniku khanstva Donduk-Dashi, 6 apreliya 1742 g. [Letters from V.N. Tatishchev to Colonel Boborykin, Khansha Darma-Bala, Lieutenant Polyakov, Colonel and Astrakhan Commandant Knutov, the Khanate Viceroy Donduk-Dashi, April 6, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 318, 318 r., 319, 319 r., 320-320 r.

13. Pisma V.N. Tatishcheva pokhodnomu atamanu Zhmurinu, maioru i chernoiarskomu komendantu Belovu, 4 maia 1742 g. [Letters from V.N. Tatishchev to the Marching Ataman Zhmurin, Major and Chernoyar Commandant Belov, May 4, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 387-387 r., 388.

14. Pismo V.N. Tatishcheva brigadiru i stavropolskomu komendantu Zmeevu, 19 ianvaria

1742 g. [Letter of V.N. Tatishchev to the Brigadier and Stavropol Commandant Zmeev, January 19, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 32-32 r.

15. Pismo V.N. Tatishcheva general-poruchiku A.I. Tarakanovu, 27 fevralia 1742 g. [Letter from V.N. Tatishchev to Lieutenant General A.I. Tarakanov, February 27, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 184.

16. Pismo V.N. Tatishcheva namestniku khanstva Donduk-Dashi, 8 fevralia 1742 g. [Letter from V.N. Tatishchev to the Khanate Viceroy Donduk-Dashi, February 8, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 114.

17. Pismo V.N. Tatishcheva namestniku khanstva Donduk-Dashi, 10 marta 1742 g. [Letter from V.N. Tatishchev to the Khanate Viceroy Donduk-Dashi, March 10, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 263 r.

18. Pismo V.N. Tatishcheva polkovniku i tsaritsynskomu komendantu P.F. Koltsovu, 27 fevralia 1742 g. [Letter from V.N. Tatishchev to Colonel and Tsaritsyn Commandant P.F. Koltsov, February 27, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 188-189 r.

19. Promemoriia ot tainogo sovetnika V.N. Tatishcheva v Astrakhanskuiu gubernskuiu kantseliariiu, 19 ianvaria 1742 g. [Promemoria from Privy Councillor V.N. Tatishchev to the Astrakhan Gubernia Chancellery, January 19, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 34 r.-35 r.

20. Promemoriia ot tainogo sovetnika V.N. Tatishcheva v kantseliariiu Orenburgskoi komissii, 9 marta 1742 g. [Promemoria from Privy Councillor V.N. Tatishchev to the Orenburg Commission Chancellery, March 9, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 238-238 r.

21. Suseeva D.A. Dokumenty V.N. Tatishcheva kak istochnik dlia izucheniia kultury kalmytского народа [V.N. Tatishchev's Documents as a Source for Studying the Culture of the Kalmyk People]. *Perekrestki istorii. Aktualnye problemy istoricheskoi nauki: materialy XIV Vseros. nauch. konf.* [Crossroads of History. Actual Problems of Historical Science: Materials of the 14th All-Russian Scientific Conference]. Astrakhan, Astrakh. gos. un-t, 2018, pp. 20-21.

22. Suseeva D.A. *Pisma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771 gg.)*. *Izbrannoe* [Letters of the Kalmyk Khans of the 18th Century and Their Contemporaries (1713–1771). Selected Documents]. Elista, Dzhangar Publ., 2009. 991 p.

23. Suseeva D.A. *Pisma khana Aiuki i ego sovremennikov (1714–1724 gg.): opyt*

lingvosotsiologicheskogo issledovaniia [Letters of the Khan Ayuka and His Contemporaries (1714–1724): Experience of Linguistic Sociological Research]. Elista, Izd-vo KalmGU, 2003. 456 p.

24. Suseeva D.A., Kotiaeva E.S., Oliadykova L.B., Iarmarkina G.M. *Russkie perevody XVIII veka delovykh pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov: teksty i issledovaniia* [Russian Translations of the 18th Century Official Letters of the Kalmyk Khans and Their Contemporaries: Texts and Studies]. Elista, Izd-vo KalmGU, 2013. 744 p.

25. Ukaz Eia Imperatorskogo Velichestva Samoderzhitsy Vserossiiskoi iz Astrakhanskoi gubernskoi kantseliarii v Astrakhanskuiu avsteriiu burmistru Ivanu Diakonovu s tovarishchi [The Decree of Her Imperial Majesty the All Russia Autocrat from the Astrakhan Gubernia Chancellery to the Astrakhan Public-House to Burgermeister Ivan Diakonov and His Comrades]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 317 r.

26. Tserenova Zh.N. *Kontsept «kochevye» v kalmytskoi, russkoi i amerikanskoi lingvokulturakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Concept of “Nomadism” in Kalmyk, Russian, and American Linguistic Cultures. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2005. 23 p.

27. Tsiuriumov A.V. *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii* [The Kalmyk Khanate as a Part of Russia: Problems of Political Relations]. Elista, Dzhangar Publ., 2007. 464 p.

28. Sharaeva T.I. «I otkuda Vashi svaty?» (realii i mentalnye obrazy prostranstva v svadebnom obryade kalmykov) [“So Where Are Your In-Laws From?” Realities and Mental Images Within the Space of Kalmyk Wedding Rites]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2019, no. 3. DOI: 10.25178/nit.2019.3.11

29. Shkurskaya E.A. Dorozhnye ritualy i zaprety v russkoy i kalmytskoy kulture v aspekte blagopoluchiya [Road Rituals and Taboos in Russian and Kalmyk Cultures: The Aspect of Well-Being]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies], 2021, vol. 13, no. 1, pp. 85-95. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-85-95

30. Salaev B.K., Suseeva D.A., Esenova T.A., Dzhambinova N.S. Integratsiya kalmykov v rossiyskoe obshchestvo XVIII v. i vzaimootnosheniya kalmytского, russkogo i drugikh narodov v period sushchestvovaniya Kalmytского khanstva v sostave Rossiyskogo gosudarstva (na osnove neopublikovannykh materialov, khranyashchikhsya v Natsionalnom arkhive Respubliki Kalmykiya) [Integration of Kalmyks into the Russian Society of the XVIII Century and Relations of Kalmyks, Russians and Other Ethnos During the Existence of the Kalmyk Khanate Within Russian Empire (Based on Unpublished Materials Stored in the National Archives of the Kalmyk Republic)]. *Bylye Gody*, 2018, vol. 50, iss. 4, pp. 1436-1455. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2018.4.1436

Information About the Authors

Danara A. Suseeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pushkina St, 11, 358000 Elista, Russian Federation, suseeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8814-8007>

Oksana A. Gorban, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Информация об авторах

Данара Аксеновна Сусеева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, suseeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8814-8007>

Оксана Анатольевна Горбань, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>